

Борис Штейман

Этот странный мир

Остросюжетные повесть и рассказы

Борис Штейман

Этот странный мир. Сборник

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Штейман Б. Е.

Этот странный мир. Сборник / Б. Е. Штейман — «ЛитРес: Самиздат», 2018

Стремительно развивается детективная интрига на фоне игры в преферанс в повести "Ночная пуля". В рассказе "Этот странный мир" дается ответ, почему же он такой, а не другой. "Хулиганит" Манюськин, обитающий вместе с семьей, в ухе крупного чиновника в одноименном цикле рассказиков. Неожиданные сюжетные повороты держат в напряжении в рассказе "Курьер Джо". Среди остальных текстов, где тесно переплетены между собой реальность и фантастика, юмор и детектив, особое место занимает рассказ "Нож". В нем все происходящие события, так или иначе, связаны с одним "замечательным" во всех отношениях ножом.

© Штейман Б. Е., 2018

© ЛитРес: Самиздат, 2018

Содержание

НОЧНАЯ ПУЛЯ	5
Конец ознакомительного фрагмента.	14

НОЧНАЯ ПУЛЯ

Повесть

– Напоминаю, мы с вами находимся в крупнейшем в Европе музее современного искусства. В этом зале представлены картины из частных коллекций. Перед нами полотно неизвестного русского художника. Картина была приобретена за пятьдесят тысяч долларов на аукционе "Кристи" коллекционером, который пожелал остаться неизвестным. Неизвестный художник, неизвестный коллекционер... Забавно, не правда ли? Анонимность становится тотальной приметой времени! Предположительно, название картины – "Игроки". На ней изображена фантастическая рыба, внутри нее за столиком – четверо игроков в карты. Картина выполнена с несомненным мастерством. Широкий штриховой мазок, удивительная цветовая нюансировка рыбьей спины – все говорит о большом мастере. Безусловно, вспоминается библейская притча об Ионе, проплававшем в чреве кита три дня и три ночи. Переходим в следующий зал...

1. На первом этаже

Не торопясь иду вниз, зажав под мышкой складное кресло. Оно норовит хлопнуть меня по ноге. Таков порядок: каждый приходит со своим стулом. До начала игры еще пять минут. Валентин Ильич уже сидит, ждет. Приветствуем друг друга.

– Сегодня откроем новую колоду, – довольно говорит Валентин Ильич и протягивает ее мне.

Кручу в руках плотную, тяжеленькую, запечатанную коробочку.

– Венгерская? Из старых запасов?

Ильич кивает головой. Подходят один за другим остальные игроки.

– Кинем жребий, кому идти за столом? – спрашиваю я.

– Да какой там жребий, – возражает Серега. – Я схожу! Делов-то!

– Прошлый раз мы тебя прождали полчаса, – недовольно говорит Михалыч.

– Не полчаса, а двадцать пять минут! – хохочет Серега. – Плюс сто вистов в гору по общему согласию!

Уверенно звонит в Анькину квартиру.

– Кто? – вопрошает нежный женский голосок.

– Из ЖЭКа! – басит Серега, закрывая глазок. – Сантехника вызывали?

– Никого я не вызывала! – смеется, отворяя дверь, Анька. – В следующий раз не открою! – грозит, впуская Серегу.

– И как только жена все это терпит? – удивляется Михалыч. – Ну, ходок. Прямо никакого удержу не знает!

– Простой народ в этом плане без комплексов, – бесстрастно, чуть улыбаясь, замечает Ильич. – Человек тонкого склада разве попер бы вот так, напролом, без всяких?

– Не в этом дело, – возражает Михалыч. – Здоровья девать некуда – вот и прет... Я тут вспомнил один случай. Четыре старших пики, четыре бубны с королем и две посторонних...

Я не люблю эти теоретические изыскания, поэтому отхожу в сторону и рассматриваю почтовые ящики. От нечего делать. Ильич начинает спорить с Михалычем... Анька – симпатичная бабенка лет тридцати пяти. Пару лет назад похоронила мужа. Злые языки говорят: третьего по счету. Кажется, в какой-то конторе метет пол. Глаза у нее приветливо-лукавые. Мы у нее всегда берем стол для игры, не тащить же сверху. Это уже, пожалуй, традиция... Она не возражает. Иногда выходит к нам покурить, выносит табуретку. Мы ей предлагаем рюмку спиртного, она сначала с возмущением отказывается, соблюдая правила хорошего тона, а потом с удовольствием, не спеша выпивает, следит за игрой и просит ее научить.

– Вдруг один из вас выйдет из строя? – спрашивает она. – Что тогда делать будете?

– Будем играть втроем, – отвечает обычно Серега.

– А если двое выйдут из строя?

– Будем пилить "гусарика"!

– А если...

– А если я останусь один, – ржет Серега, – мы с тобой, Анна Петровна, будем играть в дурака на шелбаны или... на поцелуйчики, по договоренности.

– Вот трепач! – довольно смеется Анька.

Ильичу эти разговоры действуют на нервы. Хотя вида он не подает.

На сей раз Серега быстро появляется со столом.

– Облом? – интересуюсь я.

– Кому охота сто вистов в гору получать? – отшучивается он. – У мадам гости, племяш из Воронежа.

– Как там у них, в Воронеже? – спрашивает Михалыч.

– Не успел выяснить, – Серега ставит стол.

Ильич с треском вскрывает колоду. Всех охватывает легкое предыгровое возбуждение. Играть новыми картами – ни с чем несравнимое удовольствие. Фишки, пощелкивая, ложатся на стол. Хорошо, что есть свет, нам пока везет! Правда, на случай его отсутствия у нас припасены свечи, и нас этим не испугать.

– У меня хвост еще вырос. Я его вчера даже дверью умудрился прищемить. Прямо не знаю, что делать, – неожиданно жалуется Михалыч.

Воцаряется неловкое молчание. Валентин Ильич перестает тасовать карты и, нахохлившись, замирает над столом. Разряжает обстановку Серега.

– Ты нас прямо достал со своим хвостом, Михалыч! – произносит он попросту и весьма добродушно.

– Вы что, мне не верите?! – обижается Михалыч и подозрительно оглядывает всех присутствующих по очереди своими маленькими голубыми глазами.

Когда он смотрит на меня, я сочувственно качаю головой и делаю соответственное выражение лица: "Уж в ком, в ком, а во мне тебе стыдно сомневаться, дружище! У меня самого не сегодня-завтра может появиться то же самое, то есть... м-м... хвост... Дело-то житейское..."

Валентин Ильич, наклонив низко голову, делает вид, что занят раздачей карт и боится ошибиться.

– За обсдачу сто вистов в гору, – бубнит он, объясняя свое поведение. – Да и вообще, кто же хранит ценности дома? Лучше всего в банке...

Только Серега упорно лезет на рожон:

– Чего-чего, а этого никто не говорил! Вот ты, Михалыч, думаешь, что он у тебя есть. А я, к примеру, его у тебя не нахожу. Но! – тут он многозначительно поднимает вверх указательный палец. – Это абсолютно ни о чем не говорит. Каждый остается при своих. Это нормальный плюрализм! Ты как считаешь? – обращается он ко мне.

– Я полагаю, что мы все просто должны подумать, как помочь Михалычу. Имеется в виду практическая сторона вопроса, – дипломатично заявляю я. – Больно было, когда прищемил? – ханжески-участливо интересуюсь у владельца предполагаемого предмета.

– Нет, не больно, – смущается отчего-то тот.

– Ну и слава богу! – заканчиваю весомо, пытаясь поставить точку в этом щекотливом деле. – А в следующий раз надо быть поаккуратней, и все!

Михалыч благодарно кивает мне головой. К Сереге он относится немного свысока. Все же тот шофер самосвала и в силу своего пролетарского происхождения не может понимать всякие душевные тонкости. Валентин Ильич в таких разговорах участия не принимает. Подозреваю,

что у него тоже какой-то свой "хвостик". Сочувствие и понимание Михалыч находит только у меня.

– Шесть первых! – довольно бодро, будто и не было ничего, возвещает Михалыч.

– Вторых! – моментально отзывается Серега.

Я пасую. Фишка – говно. И пока они торгуются, отхожу к дверям. Проверяю замок. Все нормально. После одиннадцати вечера дежурные закрывают входную дверь еще дополнительно на засов. Она обита стальным листом. Куски такого же листа заменяют стекла, когда-то стоявшие во второй части двери, упирающейся в бетонную стену. Дверь достаточно надежна. Прошла не одну проверку.

Возвращаюсь к столу.

– Ооновцы¹ заняли пятнадцатый дом. А оставшихся жильцов просто выкинули на улицу, – беря карты в руки, сообщает Валентин Ильич.

– Когда? – интересуюсь я.

– Вчера, – отвечает Серега.

"Все всегда все знают, кроме меня", – думаю с досадой.

– Мне предлагали пулемет Дегтярева всего за сорок "штук", – продолжает Серега. – Считайте, даром! Они дешевле семидесяти сейчас не идут.

– Думаете, они и к нам сунутся? – спрашивает Валентин Ильич.

– Очень мы им нужны! В пятнадцатом паркет, а у нас линолеум, – многозначительно поясняет Михалыч.

– Ну, положим, у тебя тоже паркет! – произносит Серега.

Михалыч не устаивает его ответом.

– Зачем им целый дом? – недоумеваю я.

– Как зачем?! – удивляется Валентин Ильич. – Один этаж – под штаб! В квартирах – личный состав с бабами гулять будет. В оставшихся – склад устроят. Найдут применение, не беспокойтесь!

– Почему, если что, непременно ооновцы? Может это союзники²? Я – пас! – Михалыч аккуратно складывает карты и кладет их на стол.

– Союзники все распоряжения получают из штаба. А эти – сами по себе. Что хочу, то и ворочу, – возражает Валентин Ильич. – Я тоже пас.

– Тогда распасовка! Буду вас учить уму-разуму, – открываю первую карту прикупа. – Думаете, они пулемета испугаются?! Чихали они на него!

– Отчасти, уважаемый Лев Николаевич. Если придется выбирать: лезть под пули или безнаказанно хулиганить – уверяю вас, пулеметик сыграет роль серьезного аргумента, – не соглашается Валентин Ильич.

– Ну, у нас никто и стрелять-то по-человечески не умеет, – сомневаюсь я.

Михалыч и Ильич уже взяли по две взятки.

– Я прекрасно стреляю из пулемета! – неожиданно заявляет Михалыч. – Как-никак два года в военном училище отбарабанил!

Все скептически смотрят на его очки с толстыми стеклами. Но оспаривать не решаются.

Вдруг с улицы доносится истошный женский крик:

– Помоги-те-е-е!

Михалыч быстро подбегает к двери и прикладывает к ней ухо. Душераздирающий крик повторяется, но на более высокой ноте.

– Подсадная, – спокойно констатирует Серега, раздавая карты.

---

¹ Ооновцы – бойцы отрядов особого назначения, поддерживающих администрацию.

² Союзники – формирования, выступающие за Союз в границах 90-го года.

– А если и нет, какого черта бродить в такое время? – осуждающе произносит Валентин Ильич

– Может, в аптеку срочно понадобилось или еще какая нужда? Тогда как? – пытаюсь сбить Ильича с оборонной доктрины. – Вдруг не подсадная? Ты что, по голосу определил? – обращаюсь к Сереге. – Кричит очень натурально! Может, проверим?

Автоматически поигрываю ножом. Лезвие то выскочит, то спрячется. Ножичек фирменный, трофейный! Их выдавали немецким десанникам. Внутри длинного лезвия перекатывается ртуть. Как ни бросишь – втыкается острием. Приятная такая штучка!

– Хватит! Один раз уже проверяли, – Серега трогает рукой шею. – С меня достаточно! Сходи, если сомневаешься, – предлагает он мне.

Ему в тот раз досталось. Недели три тому назад дело было. Ко мне еще тогда мизер пожаловал. И я специально блефовал и тянул время. Будто сомневаюсь: играть или нет... Такой же душераздирающий был крик. Серега тогда, ничего не сказав, подпрыгнул и бросился на улицу. Подозреваю, что он перед игрой уже хорошо принял. Потому что мы успели выпить только полбутылки коньяку. Я был поглощен мизером, и вообще так не годится. Не посоветовался, бросился и все! Я не торопясь пошел следом. Валентин Ильич и Михалыч в таких делах участия не принимают. По возрасту, из принципа или по трусости. Не знаю, наверное, все вместе взятое... Я вышел, а Серега уже лежит, и два каких-то оболтуса в защитной пятнистой форме, но без погон, обшаривают у него карманы. Светила луна, и видно было все неплохо. Девка, которая, видимо, так натурально орала, в сторонке стоит и смотрит. Я, хоть и струхнул прилично, подскочил к этой милой компании и ткнул одного из дезертиров ножом в задницу. Он заорал так, что я чуть не оглох, и бросился бежать. Второй, увидев нож, тоже припустил. А девку эту, поганку, еще до того как ветром сдуло. Я схватил Серегу, ему прилично двинули арматурой по шее, и потащил в подъезд. Он, хоть роста и небольшого, но весит килограммов под сто. Не меньше. Настоящий бугай! Верит в свою несокрушимую мощь, вот и нарвался. Правда, теперь дует на воду. Урок пошел впрок. Даже чересчур!.. Стал звать остальных, одному было не дотащить. Не идут. Да еще дверь заперли на всякий случай. Верные товарищи, ничего не скажешь! Объяснил через дверь, что опасности никакой. Только тогда, наконец, впустили. Втроем с трудом дотащили Серегу до квартиры. Правда, он быстро пришел в себя. И от дальнейшей помощи отказался. В квартиру зашел уже сам.

– Содержать такое тело в наше время довольно хлопотно, – философски заметил тогда Валентин Ильич.

Вообще-то любое тело в наше время содержать хлопотно. Но такое действительно, вдвойне...

Поэтому, если кто на дворе кричит, Серега уже не верит. По гороскопу у меня на сегодня все очень благоприятно. Поэтому говорю:

– Ладно. Рискну! Подстрахуйте только около двери.

– Я постою! – неожиданно предлагает Михалыч.

Подхожу к выходу. Стараясь не шуметь, открываю оба засова. Чуть приоткрываю дверь и всматриваюсь в темень двора. Ни черта невидно! "Глаза еще не привыкли к темноте..." – осторожно выскальзываю наружу. Шаг вбок. Снова, уже где-то совсем рядом, раздается приглушенный стон. Мимо меня проскакивает человек. За ним – второй. Они начинают бороться. Буквально у моих ног. Из темноты слышится матерная ругань. Доносится приближающийся топот. Видимо, компания, не маленькая. Больше ждать нельзя. Отступаю назад. Кричу:

– Михалыч! Это я!

Дверь отворяется. Свет падает на дерущихся. Внизу – женщина. Сверху – здоровяк. Отпихиваю его с силой ногой. Хватаю бабу за руку и втаскиваю внутрь. Михалыч мгновенно и очень ловко закрывает все запоры. Снаружи стучат, ругань, угрозы:

– А ну, вашу мать туда-растуда! Отдайте девку! Иначе – разнесем на куски вашу хавиру! Туда-растуда!

Деввица вырывает у меня руку и отбегает к дальней стене. Серега подходит к двери. Обкладывает находящиеся снаружи матом и советует им угомониться:

– А не то перестреляю всех... – задумывается. – Как собак!

Сажусь за стол. Ильич как раз раздал карты. Поднимаю свои фишки, руки немного дрожат.

– Разок скажу, – начинаю торговлю.

Девчонка очень хороша. Хотя вид у нее, прямо скажем! Вся перемазалась, рукав куртки оторван.

Серега сидит на прикупе. Встает и отходит к девнице. Мы с Михалычем вистуем, пытаемся поймать Валентина Ильича. Серега о чем-то разговаривает с девницей. Это меня отвлекает, и я, вместо того чтобы прорезать масть, хожу с короля. Это вызывает недовольство Михалыча. Девчонка по-прежнему безучастно стоит, прислонившись к стене. Серега подходит к столу, наливает в стакан вина и относит ей. Я, к удовольствию Ильича, получаю сорок в гору. Быстро тасую карты, раздаю и зову Серегу. Тот нехотя возвращается.

– Черт! Катька с ребятами дома, – с досадой говорит он. – Может, к Аньке пригласить? Классная девчонка!

– Может, ты спятил? – отвечаю я. – И как только Катя выносит твои художества?

– Я их всех содержу! – хохочет Серега. – Неужели этого мало?

– Ты же не хотел рисковать, – заявляю ему свои права. Лучше сразу поставить все точки над "і".

Михалыч с Ильичем расписывают пулю. Я, кажется, в нуле. Подхожу к девнице. Она уютно прикорнула у батареи. Спрашиваю:

– Тебя как зовут?

– Эн...

– Выпустить на улицу?

– Нет...

– Можешь пойти ко мне. Приведешь себя в порядок, умоешься.

Возвращаюсь к игрокам. Оказывается, даже выиграл пять вистов. Складываю кресло. Медленно иду к себе. Эн плетется сзади. Щелкаю замками. Входим.

– Располагайся... – приглашаю ее в комнату. Сам иду в ванную. Чудо – есть теплая вода!

Кричу:

– Тебе повезло! Иди быстро сюда! Можешь принять душ!

Деввица молча появляется. Подозреваю, что это та самая "подсадная", которая тогда выманила Серегу... А может быть, и нет. Выхожу из ванной. Она прикрывает дверь, но не запирается. Не исключено, что они хотели пробраться в дом и для этого устроили инсценировку с дракой. Хотя, если это те же самые, зачем надо было тогда глушить Серегу?.. Слышен шум льющейся воды. Хочется спать. Около шести часов утра. Сажусь на диван и начинаю дремать. Кажется, Серега – физик. Пару раз его проверял. На крючки не клюет. Зачем-то изображает из себя простолюдина. Может быть, он связан со спецслужбами? Решил пока отсидеться?..

Появляется Эн. В моем халате. Хотя я ей его не предлагал. Она оказывается еще лучше.

– Эн – это буква или имя на английский манер?

– Дай сигарету, – просит она. – И выпить, если есть... У Брейгеля – зима, каток, крошечные фигурки... Кто они нам? Эн, Ка, Тэ... Не будешь же выяснять.

– С удовольствием бы выяснил, – не соглашаюсь я.

"Так... Значит, они уже обживают и этот культурный пласт. Грабят, убивают и при этом еще философствуют... Ничего не скажешь!"

– Тогда играла роль подсадной утки. А теперь более серьезное задание: троянский конь?

– Утка, конь... – укоризненно говорит она. – Скоро дойдешь до бурундука! У тебя что, нет курева?

– Не курю... Водку будешь? Другого ничего нет.

– Буду, конечно, буду... Немножко.

Наливаю на дно стаканчика. Протягиваю ей.

– Часы хороши! – кивает она на стенку. – Умели раньше делать вещи. На маятнике стрела разделяет две буквы. Что они имели в виду? Стрела – символ времени? Часовая стрелка? Или же боевая, лучная стрела?

– Это помогает грабить, убивать, насиловать? – интересуюсь я.

– Ну, кого я буду насиловать, помилуй! – смеется она, слегка захмелев. – Ты на кого-то похож. Не пойму, на кого... У тебя есть йод или зеленка?

Она отодвигает воротник халата. Видна большая глубокая ссадина. Мажу ее йодом. Эн кричит от боли, слезы текут по ее лицу.

– Разве у троянского коня... уж, скорее, кобылицы может быть такая рана? – жалобно спрашивает она.

– Не знаю... – в замешательстве дую на ссадину, касаюсь губами нежной кожи...

2. Не родной

Валентин Ильич отчаянно сражается с Серегой, у того железная семерная, и он может оставить Ильича без виста. Мы отходим с Михалычем в сторону.

– Он мне не родной, – шепчет Михалыч.

– С чего ты взял? – отвечаю на всякий случай.

Я не спрашиваю, о ком речь. Ясно, что он говорит про Женьку. Меня все это начинает раздражать. Мне не нравится, что Ильич как-то двусмысленно приобнял Женьку, мне кажется, что его воодушевление, с которым он перебирает карты, как-то с этим связано. Я недоволен, что понимаю Михалыча с полуслова. Ведь не стал бы он делиться своим бредом, скажем, с Серегой? Не стал!

– У нас в роду ни у кого не было зеленых глаз и темных волос! Скажешь, он похож на меня?

– Ну, знаешь... – пытаюсь уклониться от ответа.

Михалыч напряженно буравит меня взглядом.

– Не обязательно же должно быть сходство с тобой. Возможно, у Эллы был кто-нибудь в родне с такой мастью.

– Чепуха! – решительно возражает он. – Никого! Это она мне отомстила! Не удивляйся! Это такая шлюха! Хотя не признается! Клянется и божится, что мой!

Элла – шлюха?! Я чуть не подавился. Чопорная, манерная Элла, высокая, статная, с томными грустноватыми глазами... Неудивительно, с Михалычем загрустишь. Когда она робко улыбается, открывается небольшая щель между передними зубами, что ее несколько портит. Сейчас, пожалуй, она представляет интерес, скорей, как антикварная ценность. Я ей симпатизирую и сочувствую. Наверное, из-за того, что мне кажется, будто я ее понимаю. На самом деле это, по-видимому, не так... Когда я встречаю ее изредка в подъезде без свидетелей, она довольно старательно покачивает бедрами. В этом нет ничего удивительного. Желание нравиться – в природе женщин... У Михалыча есть еще два взрослых сына. Кажется, они уже давно живут самостоятельно и имеют свои семьи. Женька очень хорош собой. Сейчас ему, наверно, двенадцать. Недавно я встретил его у подъезда. Он подошел ко мне, поздоровался и спросил:

– Вы иностранец?

– Разумеется! Швед, – пошутил я в ответ. – Как ты определил?

– Но перчаткам. Такие шикарные рыжие перчатки могут быть только у иностранных граждан.

– Что ж... Ты прав, малыш! Твоя феноменальная наблюдательность делает тебе честь, – похвалил я его тогда.

Женька всегда приветлив, вежливо здоровается. Не по годам рассудителен и задумчив. Когда есть свободная минута, при встрече всегда стараюсь с ним поговорить. Его высказывания зачастую бывают неожиданны и весьма глубоки.

– Ты не представляешь, какие фокусы устраивает в этом плане природа-мать, – ухожу я от окончательного приговора и возвращаюсь к столу.

Ильич отыграл все свои висты и довольно тасует карты.

3. Элла, или скоро конец света

– Выменяла картошку на сигареты, – неожиданно говорит Элла.

В подъезде полумрак. Она держит в руках две огромные сумки, с трудом сохраняя горделивую осанку. Предлагаю помощь, она охотно доверяет мне свой груз. Мы тащимся вверх по лестнице. Лифт уже давно отключен из-за отсутствия энергии.

Элла возится с ключами. Открывает первую, обычную, обитую темным дерматином дверь. За ней – вторая. Стальная, внушительная, покрытая молотковой эмалью.

– Вот это да! – выражаю я свое восхищение. – Настоящий сейф!

Элла, улыбаясь, кивает головой и приглашает зайти в квартиру.

Я никогда не бывал у Михалыча дома. Обставлено все со вкусом и на широкую ногу. Старинная мебель сочетается с модерном. На стенах много картин. Поражают роскошные рамы.

– Все его? – интересуюсь я.

– Его! Его! – подтверждает Элла. Благодарит за помощь и предлагает не стесняться, проходить и смотреть творения великого мастера. Последнее произносит с недобрим сарказмом.

Я вообще-то шел на толкучку. Но любопытство берет верх. Каков же мой карточный противник вне игры? Останавливает внимание большое полотно. Три русских богатыря расположились на траве под сенью большого, как водится, дуба. На коленях, кажется, у Добрыни Никитича обнаженная женщина. С некоторой неловкостью узнаю в ней хозяйку дома.

– Мастер проникает в суть женской натуры, – язвительно комментирует Элла.

Как ни крути, а Михалыч человек со вкусом.

– Здорово! – произношу с чувством.

– Здорово? – переспрашивает она.

Понимаю, что говорю что-то не то. Она явно на взводе. А вначале так спокойно, с юмором, рассказывала, как торговалась на базаре.

– Ну я, конечно, не специалист, – пытаюсь дать задний ход.

– Он – мерзавец и негодяй! – чеканя слова, говорит Элла. – Падла и сволочь!

Я не верю своим ушам. Аристократичная, сдержанная Элла начинает выражаться, как базарная торговка. Может быть, на нее так подействовал базар? Происходящее незаметно теряет свою обыденность и реальность.

– Вы знаете, где он сейчас? – Глаза ее сверкают. – Он с этой вашей сучкой Эн! В кабаке!

– Почему с моей? Она вовсе не моя. Она – общая, – неловко стараюсь разрядить разговор.

– Может быть, это я притащила ее в дом? У вас что, комплекс? Геройствовать хочется? Жену с детьми отправили, и теперь свобода? Война все спишет?

"Вот это темперамент! А всегда такая сонная, задумчиво-меланхоличная, кроткая..."

– Вы знаете, что она теперь живет у нас? – наступает на меня Элла.

"Называется, сделал доброе дело. Помог поднести женщине тяжелые сумки..." – думаю я.

– Мне, пожалуй, пора, – говорю неуверенно, отодвигаясь на всякий случай к выходу.

– Нет уж, подождите! Полюбуйтесь! – неожиданно она поворачивается и задирает юбку.

Я вижу стройную ногу. Ажурное отличное белье. Красные следы на белой ягодице. Видимо, от ремня.

– Он что, садист? – спрашиваю в растерянности.
Невольно трогаю рубцы рукой. "Ну и фрукт этот Михалыч! А все на жалость бил со своим хвостом..."

– Беденькая! – осторожно притягиваю ее к себе...

Мы лежим в изнеможении на ковре. Она была поразительно умна... в любви.

– А если Михалыч сейчас заявится? – спрашиваю вяло.

– Нет... Он придет поздно... с этой дрянью! – отзывается она. – Они у него в студии. Он теперь без конца ее малюет.

– Не исключено, что скоро конец света... – предполагаю глубокомысленно.

– Не исключено, – охотно соглашается она и тихо спрашивает: – Ты меня любишь?

– Да! – моментально подтверждаю я.

Она довольно смеется, мы тесно сплетаемся и начинаем кататься по коврику.

– Ты славный... – шепчет она. – Нет, правда, без смеха. Он что, всегда выигрывает?

– Ну, это некоторое преувеличение... – отвечаю, замывшись. – Игрок он, разумеется, сильный. Но если брать в среднем, то мы все окажемся в нуле. Вот такая у нас команда.

– Так я и знала! А мне говорил, что всегда... Мы, наверное, скоро уедем...

– Все когда-нибудь скоро уедут... Не ждать же, когда прихлопнут.

– У меня есть пистолет. Если он когда-нибудь еще поднимет на меня руку, я его прострелю! – угрожающе говорит Элла, глаза ее сверкают. – Показать?

Она встает. У нее великолепная фигура. Чуть начинает полнеть. Возраст... Может быть, пистолет лишь предлог? Просто хочется продемонстрировать свои достоинства?

– У тебя превосходная фигура и изумительная татуировка на груди, – замечаю я.

– Нравится? – кокетливо оборачивается она. – Этот негодяй сделал! Для секса!.. Мне тоже нравится! Ее можно смыть специальным раствором. Но я пока не хочу.

Иду за ней в спальню. Она роется в шкафу. Ищет пистолет. Наверняка рукоятка инкрустирована перламутром. Эдакая изящная дамская безделушка. Убить – не убьешь, но покалечить можно... Рассматриваю фотографию на тумбочке. Группа на фоне загородного дома. В центре – импозантный пожилой мужчина с девочкой-подростком. Рядом – молодые люди в рубашках с короткими рукавами.

– Лолита, – комментирую я.

– Похожа? – смеется Элла. – Нет, это я с отцом. Красивый, правда?

– Правда, – соглашаюсь я. – Догадывался, что ты не из детдома. И с корнями у тебя все в порядке. Видна порода, видна...

– Почему-то все принимали его за врача... Он преподавал, в университете... Куда же подевался мой "Смит энд vesson"? Прямо чудеса! Ладно, в другой раз...

Подозреваю, что его и не было никогда.

4. Сны и страхи

Девочка спешит вдоль берега горного ручья. Звенит тревожно колокольчик, привязанный к клетке, которую несет девочка. В клетке кудахчут две курицы и лежит рыба, похожая на большую селедку, блестит серебристо-синеватой чешуей. Уже у самого селения рыба выпадает из клетки. Нарастает тревога. Жители выбегают из своих домов. Стоят молча, в оцепенении. Девочка принесла беду. С перевала идет колонна амнистированных заключенных. Так уже было. Лет двадцать назад. Мужчины с ружьями, женщины с детьми, старики, старухи – все собираются в самом крепком доме. И превращают его в крепость. Уже слышен топот приближающейся колонны...

Длинный коридор. Серый свет промозглого осеннего дня, проникающий через пыльное стекло небольшого оконца вверху, не в силах рассеять мглу. Справа и слева череда дверей.

Ближе к лестничной площадке, рядом с опрокинутым трехколесным велосипедом, вяло играет рахитичный малыш. Нужная квартира справа, почти в самом конце.

– Может не стоит? – снова спрашиваю Морокова.

Нет, он уже не может дать задний ход. Прямо помешался на этом чемоданчике-дипломате, в котором, скорее всего, будут грязные носки. Дверь открывается от легкого прикосновения. Желтая лампочка, голая, на длинном пыльном шнуре освещает убогое жилище. Две зловещие хари заняты своим воровским делом. Перебирают, сортируют награбленное.

– Еще не пришел! – бросает один через плечо.

Кажется, ему понравилась Мороковская куртка.

– Ладно, в следующий раз. – Ташу этого упрямяца Морокова вон из квартиры.

Я завишу от него. Он – ведущий инженер, а я – просто. Один раз он уже пропадал без вести. Исчез. И никто ничего не знал. Пока, наконец, не пронесся слух, что он в психушке. Так-то он парень весьма добродушный, но иногда впадает в сильное озлобление. Кричит, брызжет слюной, косит сильно глазом и выворачивает губы. Мне кажется, что я уже давно не работаю в этой их богадельне. Но почему-то должен ходить на работу. С трудом как-то каждый раз преодолеваю проходную. Пропуск-то у меня отобрали при увольнении. А предприятие военное. Вот и приходится хитрить всячески, не сдавать при выходе пропуск... который у меня отобрали. Ну... это надуманное противоречие. Вполне может так быть, что одновременно отобрали, и он находится в кармане. Такой плоский, маленький, запечатанный в плексигласовую оболочку. А под ней я – усатый, молодой. И стоим мы с Мороковым во дворе дома, где я когда-то жил. Там еще приемный пункт стеклопосуды. Место удивительно спокойное. Солнечный свет пробивается сквозь листву деревьев. Потусторонний покой... И еще рядом прием макулатуры. В низеньком, обитом фанерой и жостью загончике. Окошко с разбитым стеклом и решеткой...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.